

МОЛЬЕР У ВАХТАНГОВЦЕВ

КАКОЙ ЭТО ВЕСЕЛЫЙ, молодой и искрометный спектакль — вахтанговский «Мещанин во дворянстве»! Вихрь действия взвивается мгновенно, краски слепят, ритмы упруги, голоса звонки — и над всем царит дух карнавала, столь созвучный мольеровской комедии-балету.

Но пресечем свое радостное чувство и отдадимся воспоминанию...

Это было совсем недавно, в начале прошлого сезона. Умер Рубен Николаевич Симонов — многолетний и вдохновенный художественный руководитель Театра имени Евг. Вахтангова. Много тогда было пережито и передумано, но через все скорбные чувства звучала одна настойчивая мысль: «душа Симонова» должна жить в спектаклях его театра, в искусстве его учеников. Ведь смог же Симонов со славной когортой товарищей обессмертить своего великого учителя, насытив «духом Вахтангова» всю почти полувековую жизнь театра его имени.

Вот подобного рода подвиг и нужно совершить нынешнему поколению актеров и режиссеров театра. Задача сложнейшая — всем известно, как был широк диапазон творчества создателя первого и лучшего спектакля о Ленине, творца плеяды героических, романтических и комических ролей.

И вот прошла первая премьера, сыгранная без него.

«Мещанин во дворянстве» к постановке на вахтанговской сцене был выбран самим Рубеном Николаевичем. Будучи одним из самых веселых, зрелищных и как будто даже беззаботных творений Мольера, эта пьеса на самом деле полна критического духа, в ней ярко выражено сатирическое начало.

«Мещанин во дворянстве» принадлежит к жанру комедий-балетов с интермедиями, танцами и маскарадными выходами, но в этой комедии с замечательной четкостью и глубиной дана реалистическая картина нравов и характеров.

Сложность постановки такой пьесы очевидна, иной режиссер, замышляя подчеркнуть «серьезный спектакль», впадет в бытовой тон и тут же теряет остроту и динамику пьесы Мольера, а решив создать сугубо «веселое представление», обескровит характеры комедии и сведет на нет ее социальный смысл.

Вахтанговский спектакль, начатый бравурным крещендо, незамедлительно вступает в свое привольное, но строго определенное русло, и чем содержательней становится дальнейший ход событий, тем азартней и смелее играют актеры и фантазируют режиссер. Происходит это потому, что Владимир Шлезингер — постановщик комедии — дал ей не только драматическое, но и пластическое, музыкальное решение; бесстрашно пользуясь гротескными красками, сохранил ведущее начало за «жизнью человеческого духа» и отчетливо выявил социальную идею театральной игры.

Обратимся к самому спектаклю. Трое учителей — музыки, танцев и фехтования (Г. Абрикосов, В. Зозулин и Ю. Волынец) сразу же задают спектаклю тот тон, который делает переход от театрального парада к действию почти незаметным. Ведь они — «артисты» и для них жизнь и игра неотделимы. Актеры исполняют свои роли в смелой буффонной манере, бравурно и броско. Лучшего и желать не надо. Но вот на сцену является исполнитель роли четвертого учителя — философа (А. Граве) и показывает подлинный класс комедийной игры. Его персонаж — этот кривоногий, косолапый старикашка с высоким дребезжащим голоском преподносит свои ученые пустяки с ликующим чувством, дрожью и млея от восторга сам. Вот этой наивной, смешной, нелепо раздутой, но человечески искренней увлеченности своим ремеслом не хватает другим учителям в спектакле, а ведь Мольер вывел их на сцену не только для пародийных целей. Одному из них он вложил в уста даже очень содержательную мысль: «Денег выпрямляют кривизну его суждений», — говорит учитель музыки о господине Журдене, — его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет». В спектакле же эти слова гонят в буффонной суматохе.

Господин Журден Владимира Этуша — мужчина кряжистый, самоуверенный, грубоватый и совсем не дурак. Но нутро этого мещанина распирает жгучая, неодолимая страсть одворяниться. И для Журдена — Этуша это не причуда, не каприз, а продуманная «идея», упорно, с буржуазной деловитостью (не теряя часа!) проводимая в жизнь. Этот Журден пыхтит, сопит, тужится и лезет в шкуру аристократа, получая от подобных занятий великую радость.

Щедро пользуясь фарсовыми красками, актер умеет заглянуть «во внутрь» своего комического героя, и обнаруживается, что господин Журден полный невежда, но с тем примечательным свойством, что в нем не потухла детская любозна-

тельность. Отсюда и рождаются все его радости, удивления и знаменитый возглас: «Да здравствует наука!» Глаза актера выкатываются черными кругляшками, лицо сияет белозубой улыбкой, и из-под маски спесивца выглядывает физиономия живого и чем-то даже обаятельного малого. И еще выясняется, что господин Журден по-мальчишески влюблен, пишет любовные письма и, главное, что он «человек с воображением». Журден Этуша страстно жаждет «вылезти из грязи в князи», и охваченный своей фантазией, он уже грозно тарачит глаза, говорит приказным тоном, героически жестикулирует и все это с полной искренностью, потому что мещанин распалился в своих мечтах стать дворянином.

От картины к картине он все больше нагнет и надувается спесью. Ему даже нравится — замереть этак на минуту в своем золоченом халате и поспать...

И вот в такой блаженный миг на сцену вваливается служанка Николь — Д. Макасова. У девочки сначала от удивления выгибается лицо, а затем, дико взвизгнув, она начинает хохотать. Смех Николь — важный компонент спектакля вахтанговцев. До сих пор театр как бы изнутри (и достаточно деликатно) иронизировал над «страстью» господина Журдена, а тут он, что называется, пошел в лобовую атаку. Макасова хохочет звонко, раскатисто и чертовски заразительно. Вместе с актрисой уже смеется весь зал, а Николь, визжа и задыхаясь, тыча пальцами в ворот с павлиньими перьями, хохочет и хохочет. Хозяин на нее орет, топчет ногами, гоняется с палкой, а она успокоится на минутку, передохнет, но лишь глянет на главу дома в полугайском его обличье, и снова на весь зал гремит ее хохот...

Николь Макасовой остроумна,мышлена, деятельна, она по существу первая «затейница представления», у которой эту активную «издевательскую миссию» должен перехватить слуга Ковьяль. Роль эту играет В. Лановой, играет благород-

но, темпераментно, динамично, но передача эстафеты не происходит. А ведь это Ковьяль придумал грандиозный маскарад с турецким приемом и посвящением господина Журдена в «мамашуши», он в этой игре главный режиссер и исполнитель. При этом надо сказать, что сама маскарадная сцена в спектакле поставлена превосходно, на нее потратили немало таланта и режиссер, и художник (Н. Двигубский) и танцевальстер (А. Варламов), не чувствуется только, что душой, творцом всей этой затеи является слуга Ковьяль, потомок знаменитых площадных итальянских комедиантов. Спектакль еще очень молод, подождем — может и у исполнителя роли Ковьяля вызреет ретивое, и он, окунувшись с головой в водоворот комической игры, возглавит ее.

Но и сейчас третий акт — удачнейший в спектакле, и не только из-за своих постановочных находок и счастливых импровизаций и не потому, что соседствует с несколькими еще вялым вторым актом — здесь рядом с ярко очерченной парой аристократов (В. Осенев и Э. Шашкова), явно недоработаны роли молодых «любowników». Удача третьего акта в его внутренней осмысленности, в том, что он имеет своей основой все нарастающее обалдение «мещанина во дворянстве». До предела распалив свое воображение и окончательно возмнив себя высокопоставленной персонаж, Журден Этуша потерял последние остатки разума и совести. Он уже не человек, а некое чучело наглости, хамства и свирепого самодурства, и над таким обезумевшим спесивцем сам бог велит позидываться... Тут и начинается игра, в которой все, что копилось и сдерживалось по ходу действия, вырывается на свободу, и остроумие, талант публично носят наглость, низкопоклонство и невежество...

Жив, жив «дух Симонова» в мольеровском спектакле вахтанговцев. И это радует!

Г. БОЯДЖИЕВ,
доктор искусствоведения.